

Научная статья
УДК 81'42: 398
doi: 10.17223/19986645/97/6

Вещный и растительный коды культуры в частушках о социальных отношениях

Инна Витальевна Тубалова¹, Ахмед Ибрагим Салми^{2,3}

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

³ *Университет Айн-Шамс, Каир, Египет*

¹ *tina09@inbox.ru*

^{2,3} *ahmed.i.salem.90@gmail.com*

Аннотация. Рассматривается специфика функционирования растительного и вещного вербальных кодов культуры в русских частушках о социальных отношениях. Выявляется, что типы социальных отношений, интерпретируемых при использовании этих кодов, не различаются. Номинации предметов более частотны и более разнообразны, чем номинации растений, так как для оценки социальных отношений в их семантике выдвигается не только общефольклорная и жанровая символика, но и конкретно-текстовая семантика.

Ключевые слова: вербальные коды культуры, социальные отношения, частушка

Благодарности: результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2025-0016.

Для цитирования: Тубалова И.В., Салми А.И. Вещный и растительный коды культуры в частушках о социальных отношениях // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 97. С. 113–134. doi: 10.17223/19986645/97/6

Original article
doi: 10.17223/19986645/97/6

Material and plant codes of culture in chastushkas about social relations

Inna V. Tubalova¹, Ahmed I. Salmi^{2,3}

^{1,2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

³ *Ain Shams University, Cairo, Egypt*

¹ *tina09@inbox.ru*

^{2,3} *ahmed.i.salem.90@gmail.com*

Abstract. The aim of this article is to identify the specific use of verbal cultural codes of objects and plants in Russian chastushkas about social relations. The empirical material consisted of 491 chastushkas about social relations with units of these codes,

selected from three folklore collections. The study concluded that the functions of the verbal cultural codes – plant and object – differ in the interpretation of social relations in chastushkas, due to the specifics of their structural and substantive organization. This corresponds to the types of social relations interpreted by chastushkas, among which the most prominent are relationships within a young couple, as well as relationships between children and parents. Object nominations are used more frequently than plant nominations; the composition of the units of the object code is also more extensive and varied. Code units in chastushkas implement genre-specific semantics (1) through general folklore/genre symbolism or (2) by actualizing the functions of the nominated realities manifested in a specific chastushka plot. Object nominations participate in the assessment of social relations both by activating general folklore symbolism and by their primary meaning, activating the functions/attributes of objects. It is precisely through units manifesting primary meaning that the diversity of object nominations used in chastushkas about social relations is created. The names of clothing, musical instruments, and food are most consistently recorded as symbolically loaded object nominations in chastushkas about social relations. Plant nominations in chastushkas about social relations, on the one hand, always activate their symbolic content, and on the other, virtually all plant nominations used in them possess similar symbolism. The limited variety of units used corresponds to the high level of development of plant symbolism within the tradition and the priority given to those whose symbolism corresponds to the emotions evoked. Interpretations of parent–child relationships using object nominations suggest both negative and positive evaluations. Food nominations, indicating family harmony, are most frequently recorded for the expression of positive emotions. Chastushkas about parent–child relationships with plant nominations express only negative emotions. Only four objects are most frequently used: birch, flower, grass, and fir tree. Interpretations of boyfriend–girlfriend relationships using object nominations and plant nominations do not differ in the composition of the emotions expressed and suggest both negative and positive evaluations. Names of clothing and musical instruments are recorded as object nominations used to express positive emotions. Negative emotions are expressed through the use of symbolically unloaded object nominations, as well as symbolically loaded clothing names. The same units are used as plant nominations in chastushkas about the "child–parent" relationship.

Keywords: verbal codes of culture, social relations, chastushka

Acknowledgments: The results were obtained within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of Russia, Project No. FSWM-2025-0016.

For citation: Tubalova, I.V. & Salmy, A.I. (2025) Material and plant codes of culture in chastushka about social relations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 97. pp. 113–134. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/97/6

Как и большинство современных исследователей, в определении кода культуры мы ориентируемся на концепцию У. Эко, который определяет код культуры как «систему коммуникативных конвенций, парадигматически соединяющих элементы, серии знаков с сериями семантических блоков (или смыслов) и устанавливающих структуру обеих систем: каждая из них управляется правилом комбинаторики, определяющим порядок, в котором элементы (знаки и семантические блоки) выстроены синтагматически» [1. С. 77].

Согласно семиотической концепции У. Эко, культура рассматривается как «знаковый универсум», в котором код выступает как норма, связывающая элементы различных систем. В рамках этой логики культура представляет собой «пространство культурных кодов – вторичных знаковых систем, в которых используются разные материальные и формальные средства для означивания культурных смыслов, или ценностного содержания, вырабатываемого человеком в процессе миропонимания» [2. С. 65]. Кроме различий в формальных средствах означивания, коды культуры, согласно концепции С.М. Толстой, дифференцируются «на основе их значения независимо от субстанции самих знаков» [3. С. 109].

В настоящей работе мы рассматриваем вещный и растительный коды культуры в их вербальном – по характеру субстанции – выражении. Исследуемые коды различаются по значению. Растительный вербальный код является одним из «природных» культурных кодов культуры и по этому признаку он противопоставляется вещному коду.

В качестве единиц вербального растительного кода мы рассматриваем номинации растений и их частей, единицами вещного кода мы считаем номинации предметов.

Рассматривая культурный код как инструмент организации культурных смыслов, представленных в знаковой форме, исследователи ставят проблему национально-культурной специфики этих смыслов. В настоящем исследовании эта проблема конкретизируется применительно к фольклорному тексту как форме представления культурной информации. В качестве значимого аспекта существования человека рассматриваются его отношения с другими членами фольклорного коллектива¹ как социальной группы. В связи с этим делается попытка установить, какие реалии вещного мира, представленные в форме номинаций предметов и растений, становятся маркерами связанных с этими отношениями ценностей, какое ценностное содержание они маркируют.

Цель данной работы – выявить специфику использования вещного и растительного вербальных кодов культуры в русских частушках о социальных отношениях.

Объектом исследования являются русские частушки, интерпретирующие отношения между людьми в фольклорном социуме при использовании лексических единиц растительного и вещного кодов.

Частушка особым образом реализует принципы функционирования фольклорного дискурса, представляющего «особый тип коллективной речевой деятельности, обусловленный социокультурной ситуацией, историческими условиями» [4. С. 28]. Его цель – «передача коллективного знания, стабилизирующего жизнь и участвующего в социализации индивидуума в данном национально-культурном коллективе, в данной социальной группе» [4. С. 33].

---

¹ Термин «фольклорный коллектив» фиксирует границы социума, обладающего общими ценностями и формами их презентации, одной из которых является фольклор.

В связи с направленностью фольклора на фиксацию норм и правил традиционного общества отношения между членами этого общества в фольклорном тексте отражаются как фиксированные, типовые, что позволяет с некоторым допущением трактовать эти отношения в контексте концепции социальной структуры общества и рассматривать их как проявляющиеся через особые социальные статусы и роли. Социальный статус в рамках этой концепции понимается как «соотносительное положение индивида или социальной группы в социальной системе, определяемое по ряду признаков, характерных для данной системы» [5]. Важно отметить, что социальные статусы «ранжированы относительно господствующей системы ценностей» [5]. Под социальной ролью понимается «нормативно одобренный, относительно устойчивый образец поведения (включая действия, мысли и чувства), воспроизводимый индивидом в зависимости от социального статуса или позиции в обществе» [5].

Американский социолог и антрополог Л. Ральф, стоящий у истоков формирования данной концепции, предложил подразделить социальные роли на два типа: «актуальные» (фактически выполняемые) и «идеальные» (нормативные культурные модели, на которые должно быть ориентировано поведение людей) [6]. В рамках этой логики фольклор фиксирует «идеальные» социальные роли, обоснованные ценностной системой, интерпретирующей с точки зрения традиции социальные отношения в фольклорном коллективе.

Интерпретация социальных отношений в фольклоре, как и все аспекты его разнообразия, определяется особенностями реализации его цели в конкретных жанрах, что последовательно подчеркивают фольклористы (А.П. Аникин, С.Г. Лазутин, С.Е. Никитина, Б.Н. Путилов, А.Т. Хроленко и др.): «у каждого жанра есть свой предмет изображения и есть свой способ изображения, свой подход к изображению этого предмета» [7. С. 92], а для этого «у каждого жанра есть своя поэтика, то есть своя система языка, стилистики, свои принципы сюжетосложения, изображения человека и т.д.» [7. С. 93].

Предметом настоящего исследования является специфика реализации и функции вещного и растительного вербальных кодов культуры при трансляции разных аспектов социальных отношений в русских частушках.

Специфика функционирования этих кодов достаточно подробно описана. Так, растительный код является объектом внимания в [8–11], вещный – в [12–15]. На фольклорном материале обращение к различным кодам культуры имеет объемную традицию, представленную работами Е.Б. Артеменко, Е.Л. Березович, С.Е. Никитиной, Н.И. Толстого, С.М. Толстой, А.Т. Хроленко и др. Отдельно описаны особенности вещной и растительной кодовой семантики в обрядовых текстах (например, [16]), в пословицах (например, [8, 17]). Семантика отдельных составляющих рассматриваемых кодов, реализуемых в народной лирике, представлена в [18–20]. Работ, устанавливающих на основании сопоставления специфику функционирования этих кодов в частушке, мы не обнаружили.

Д.Б. Гудков подчеркивает, что «имена, принадлежащие тому или иному коду культуры, обладают, помимо общезыкового, еще и особым значением

как знаки вторичной семиотической системы, причем значение это отнюдь не является ситуативно обусловленным, но закреплено за соответствующей единицей языка» [21. С. 42]. Обладая кодовыми функциями, «многие слова языка фольклора живут “двойной жизнью”: как обозначения составляющих вещного мира и как знаки напряженного поля традиционных смыслов, актуализирующие часть неосознанных архетипических представлений» [22. С. 171]. Двойственность содержания фольклорного слова и фольклорного высказывания выражается в наличии у них не только языковой, поверхностной семантики (ПС), но и глубинной семантики (ГС), отсылающей к широкому контексту фоновых знаний, обеспеченных традицией¹: «Чтобы понять смысл сообщения вообще и исполняемого фольклорного произведения в частности, нужно знать гораздо больше того, что заключено в поверхностной структуре текста; к тому же, из сообщения или его фрагмента извлекается информация, значительно превосходящая ту, которую можно извлечь чисто лингвистическим путем» [24. С. 34–35].

Обращаясь к анализу специфики реализации вещного и растительного кодов в частушке, обозначим ее важные для данной работы характеристики, которые определяют специфику интерпретации социальных отношений.

1. Исследователи подчеркивают, что частушка как жанр народной лирики функционально ориентирована на выражение личных чувств ее исполнителя (С.Г. Лазутин, Ю.Н. Соколов и др.). С.Г. Лазутин, например, указывает на то, что основная роль частушки «не в том, чтобы подробно рассказать о тех или иных фактах <...> а в том, чтобы дать этим фактам и событиям определенную идейно-эмоциональную оценку, выразить те или иные мысли или чувства» [25. С. 63]. О.Р. Николаев называет систему средств выражения лирического содержания частушки «поэтикой МГНОВЕНИЯ ПЕРЕЖИВАНИЯ» [26. С. 129]. В связи с этим социальные отношения реализуются в частушке как результат их эмоциональной интерпретации, а кодовые единицы в основном участвуют в фиксации этих эмоций.

2. Частушка представляет собой жанр, обладающий, в отличие от большинства других жанров фольклора, особой фокусировкой позиции повествователя и позиции исполнителя, с чем связана специфика их содержания: «Частушки проявляют внимание ко всем жизненно важным вопросам, их содержание разнообразно. Однако в огромном большинстве случаев они сочинялись молодежью, поэтому их самой популярной темой стала любовь. Персонажи частушек – девушка и парень от подросткового возраста до брака. Частушки передают мечты девушек о замужестве, парней о женитьбе; зарождение и развитие любовного чувства; любовные переживания разного рода. Молодежь протестует против власти родителей, их запрета на свободное чувство; сообщает о своей грамотности, позволяющей писать друг другу любовные письма; наивно стремится ко внешним формам городской культуры как способу утверждения самостоятельности и привлечения

---

¹ Подробно о понятиях «поверхностная семантика» и «глубинная семантика» применительно к фольклорному тексту см. [23] и др.

к себе внимания со стороны противоположного пола» [27. С. 361–362]. В соответствии с этим частушки «предназначены для публичного исполнения в кругу молодежи» [25. С. 64]. Частушка отражает взгляд на мир с позиции молодого поколения фольклорного коллектива, что определяет отбор жанрово интерпретируемых социальных отношений и их характеристику.

3. Исследователи также отмечают, что частушка в большинстве содержит элемент повествовательности, в ее основе лежат «небольшие сюжетные ситуации» [25. С. 102]. Это означает, что, с одной стороны, содержание частушки предполагает фиксацию определенных эпизодов, фиксирующих действия героев, а с другой – сюжет в них не развит, и повествовательное начало подчинено трансляции эмоций и чувств: «Интерес представляют лишь отдельные детали, раскрывающие те или иные чувства и переживания лирических героев. <...> То есть повествовательные частушки интересны не своими “эпическими сюжетами”, а лирическим содержанием» [25. С. 102]. Сюжетные ситуации реализуют типовое социально-ролевое поведение героев, соответствующее их социальным статусам. Состав сюжетных ситуаций частушки коррелирует с обозначенной выше спецификой ее героев – молодых членов фольклорного коллектива. Сюжетные ситуации становятся способом интерпретации типовых, нормативных социальных отношений, фиксируя не только содержание нормативных социальных статусов, но и интерпретацию социально-ролевого поведения, значимого для оценки молодежи.

4. Определяя специфику частушечных сюжетов, фольклористы также отмечают, что, в отличие от многих других фольклорных жанров, частушка характеризуется тесной связью с ситуативной действительностью [7, 25, 28]. Так, Б.Н. Путилов определяет частушку – наряду с анекдотами, слухами, сплетнями – как жанр «злободневный», прямо реагирующий на окружающую действительность [7. С. 24], отличая ее от основного жанрового массива фольклора, который «чужд хроникальности, сиюминутности и даже просто откровенной злободневности» [7. С. 24]. В связи с этим интерпретируемые в частушке социальные статусы всегда достаточно конкретны и обозначены прямо, не иносказательно (парень – девушка, девушка – соперница и под.), что позволяет оценить факты реальности с участием наделяемых этими статусами героев с позиции фольклорной нормы. Кроме того, в соответствии с реальностью переживаемых молодежью отношений, состав сюжетных ситуаций включает характерные именно для этой социальной группы действия, типовые с точки зрения народной культуры: реакции на запрет родителей выбирать пару, на измену, совместные действия пары при гармоничных отношениях и под.

Таким образом, обращение к частушке в заявленном аспекте позволяет выяснить особенности ценностной интерпретации типовых социальных отношений, в которые вступает «фольклорная» молодежь, установить, как оцениваются эти отношения с позиции данного социального страта и как реализуется эта оценка при использовании номинаций предметов и растений.

Эмпирическая база для данного исследования включает 491 частушку о социальных отношениях, выбранную из фольклорных сборников [29–31].

На первом этапе из указанных сборников были отобраны частушки, отвечающие двум условиям: (1) на уровне ГС интерпретирующие отношения между членами социума; (2) использующие в тексте единицы рассматриваемых кодов – растительного и вещного, соответственно, фиксирующие значение этих единиц в качестве компонента ПС.

На втором этапе интерпретируемые в выбранных частушках отношения были типизированы, установлено количественное соотношение пословиц, использующих для интерпретации каждого типа отношений вещный или растительный тип вербального кода (табл. 1). В качестве основания для типизации были выбраны парные социально-ролевые позиции, отношения между которыми подлежат жанровой интерпретации, а значит, согласно цели фольклорного дискурса, ценностно маркируются, в том числе при использовании рассматриваемых кодов.

Таблица 1

Распределение интерпретируемых типов социальных отношений в частушках по содержанию вербальных кодов культуры, используемых при трансляции их ГС

Тип социальных отношений	Тип вербального кода		Всего
	вещный	растительный	
Парень – девушка	225	135	360
Девушка – соперница	0	4	4
Родители – дети	68	30	98
Теща – зять	2	0	2
Муж – жена	2	1	3
Свекровь – невестка	9	3	12
Девушка – подруга	6	6	12
ВСЕГО	312	179	491

На третьем этапе был проведен анализ соотношения ГС и ПС частушек каждого типа, определены кодовые функции исследуемых единиц и на основании их обобщения выявлены принципы реализации и функции растительного и вещного кодов для интерпретации каждого типа отношений.

Материал показал, что наиболее последовательно в частушке интерпретации подвергаются отношения между парнем и девушкой (до замужества) и отношения «родители–дети» (табл. 1), причем, в отличие от пословицы [17], это отношения между «взрослыми» детьми – молодыми парнем/девушкой (молодежью) – и их родителями, которые, согласно традиции, все еще играют в их жизни значительную роль. Такой состав интерпретируемых отношений соответствует жанрово обусловленному тематическому своеобразию частушки, ориентированной на представление типовых эмоций молодого поколения, оформленных по отношению к типовым наиболее значи-

мым для них ситуациям, оцениваемым с позиции фольклорной нормы. Рассмотрим, каким образом каждый из исследованных вербальных кодов реализуется при интерпретации этих отношений.

1. **Вещный код**, единицы которого представляют номинации предметов, является более востребованным (см. табл. 1). Множественности частушечных текстов, использующих данный код, соответствует разнообразие реализуемых в частушке единиц.

Отдельного внимания заслуживает количественное соотношение кодовых единиц, реализующих в частушках о социальных отношениях рассматриваемые коды (табл. 2).

Таблица 2

Количественное соотношение и уровень разнообразия единиц вещного и растительного кодов культуры в частушках о социальных отношениях

Код культуры	Кол-во текстов	Кол-во единиц	Индекс разнообразия	Наиболее частотные единицы
Вещный	312	86	0,28	<i>Платок/платочек, тальянка/тальяночка, кофта/кофточка, рубашка, платье, гармонь/гармошка</i>
Растительный	179	22	0,12	<i>Береза/березонька/березка, цветок/цветик/цветочек, травиночка/травинка/травушка, елка/елочка</i>

Анализ текстов показал, что перечень номинаций предметов реализуется как более объемный, чем перечень номинаций растений. Но важнее то, что он является более разнообразным: частушек о социальных отношениях с предметными номинациями – больше, в них реализуется значительно больше единиц. Об этом свидетельствует такой показатель, как индекс относительного разнообразия кодовых единиц, представляющий собой отношение количества единиц каждого кода к количеству частушечных текстов, его реализующих. Данный индекс фиксирует, какой из рассматриваемых кодов реализуется в частушке более разнообразно – по составу представляющих его лексем. Отметим, что этот показатель оказывается значимым только как относительный, так как при расширении объема материала количество единиц может как расти, так и оставаться стабильным.

Важно, что кодовые номинации соответствуют предметам, оперирование которыми характерно для типовых частушечных сюжетных ситуаций, реализующих эмоциональную оценку отношений. В частушке все номинации предметов проявляют свое первичное значение, соответствующее сюжетной логике. При этом в составе номинаций предметов выделяются (1) единицы, обладающие стабильной фольклорной символикой (*На беседашке сидела, На меня туман нашел. Милый в белянкой рубашке Поздороваться пришел*: ПС – «предмет одежды»; ГС – «выражение мужского начала»), и (2) единицы, ею не обладающие (*Ты не подчуй меня, милый, Сладкою конфеткою. Мне теперь не до*

тебя, Я увлеклась газеткою). Для эмоциональной оценки социальных отношений могут использоваться как ГС номинаций предметов (символическое содержание, заданное на уровне общефольклорного и/или жанрового кода, т.е. выше уровня конкретного текста), так и ПС (бытовое, первичное содержание).

Рассмотрим специфику использования номинаций предметов типа (1) и (2) для оценки социальных отношений.

(1) Частушек с предметными номинациями, использующих фольклорную/жанровую символику этих номинаций для оценки социальных отношений, большинство (74%). При этом перечень таких единиц ограничен, соответственно, именно названия предметов – носители общефольклорной символики (особенно номинации одежды и музыкальных инструментов) наиболее частотны (табл. 2).

В их составе выделяются три семантические группы, каждая из которых реализует единый тип фольклорной символики, что подтверждается в целом ряде исследований: (а) номинации одежды, фиксирующие признаки внутреннего состояния человека (одежда – «оболочка души») [18–20, 32]; (б) номинации пищи, символизирующие дом, семейное богатство и благополучие [33, 34]; (в) номинации музыкальных инструментов, реализующие в частушке ГС гармоничных отношений, связанной с «идеальным» образом партнера [32, 35, 36]. Например, А.В. Кулагина, анализируя частушечную символику, обращает внимание на то, что «испачканная, поношенная, разорванная одежда символизирует неразделенную любовь, ссору, разлуку, измену» [32. С. 80], и в частушке *Мне купили бело платье И сказали – не марай. А еще чего сказали? С комсомольцем не гуляй* данная символика негатива при использовании приема психологического параллелизма реализует оценку отношений молодой пары: негативная оценка ненормативного состояния платья соответствует предписанной извне негативной оценке отношений с «комсомольцем».

ГС предметных номинаций может поддерживаться сюжетной ситуацией, в которой описываются проявления отношений, или использоваться независимо от сюжета, даже создавать расфокусировку его логики. Рассмотрим разные типы соответствия ГС номинации предмета и его ПС, проявляющейся в сюжете, на примере текстов с кодовой единицей *платок/платочек*, которая, как считают исследователи, является носителем общефольклорного значения «связь между парнем и девушкой» [19, 32]. При взаимодействии ГС и ПС за счет сюжета ГС уточняется в каждой конкретной частушке: *Вышивала я платочек, Буквы ставила подряд. Ты лети, лети, платочек, Прямо к милому в отряд* (инструмент установления связи), *Милый мой, у нас с тобой Любовь платочком связана, Из-за тебя, мой дорогой, Семерым отказано* (инструмент закрепления связи), *Ты, сударушка, скажи, С кем сидела у межи? Я словам твоим не верю, Ты платочек покажи* (инструмент проверки связи) и под. При использовании ГС независимо от ПС оперирование платком как предметом или факт его наличия интерпретируются как «позитивный настрой на восстановление/установление связи» только на уровне ГС, а в сюжете это не проявляется: *Мой приятка в Питере,*

Недавно люди видели. *Платочком* утирается, *В* деревню собирается; «Девки в беленьких *платочках*, Вы далёко ли пошли?» У нас дролочки в колхозе, Мы обедать понесли; У меня *платочек* алый, Не буду повязывать. Пойду к милому в окопы *Раны* перевязывать.

(2) Частушек с предметными номинациями, использующих ПС этих номинаций для оценки социальных отношений, меньшинство (26%).

Для номинаций, используемых для оценки отношений в соответствии с их ПС, сам сюжет, с учетом его типового характера, определяет их функции в реализации этой оценки: *Не форси калошами*, *У тебя нет лошади*. Одна *метелочка* в углу, *И та кричит*: «Уйду-уйду!» (*калоши* – маркер ложного достатка, *метелочка* – маркер отсутствия достатка; эти функции они приобретают за счет сюжетного противопоставления *лошади* как номинации объекта высокой значимости; в результате в ГС оформляются негативные эмоции по отношению к партнеру); *Нам не дороги часы*, *Не дороги калоши*. *Нам не дороги богаты*, *Дороги хороши* (*часы* и *калоши* – маркеры богатства, наличие которого у партнера оценивается негативно в сравнении с другими – положительными – качествами, о чем прямо заявляет героиня). Функциональный выбор номинируемого предмета соответствует его реальным функциям: например, *часы* – номинация предмета, который обладает высокой стоимостью и ограниченной доступностью, *метелочка* – наоборот, номинирует предмет обыденный, широко доступный; номинации предметов участвуют в реализации частушечных эмоций за счет сюжетной актуализации этих свойств.

Использование каждой такой номинации в основном единично, так как их востребованность определяется конкретной сюжетной ситуацией. Если даже в разных частушках такие номинации повторяются, то они участвуют в реализации эмоций ситуативно, в соответствии с построением конкретного сюжета: например, *калоши* в приведенных выше частушках маркируют как достаток, так и его отсутствие. Именно в связи с тем, что в экспликации кодовой нагрузки определяющую роль играет конкретная сюжетная ситуация, состав номинаций предметов является наиболее объемным и разнообразным – в сравнении с номинациями растений и животных (см. табл. 2).

Рассмотрим, каким образом в частушках, включающих единицы вещного кода, интерпретируются отношения «родители–дети» и «парень–девушка» как наиболее последовательно реализуемые; выявим особенности взаимодействия их ПС и ГС.

1.1. Частушки об отношениях «родители–дети» с предметными номинациями.

1.1.1. В частушках об отношениях между детьми и родителями эмоциональной оценке наиболее регулярно (77% текстов) подвергается **негативное отношение родителей к выбору пары**. Номинации предметов в этом случае способствуют реализации позиции детей, что соответствует жанровым установкам.

Выражение эмоций молодежи, чей выбор ограничивают родители, фиксируется на уровне ПС либо (чаще) на уровне ГС – через фиксацию обращения с предметом как дефектного (*Поиграл бы я в гармошку – Права рученька болит. Взял бы замуж я милашку – Тятька с мамкой не велит; Шила кофточку по моде, Не велела мать носить: «Не с богатыми гуляешь, Тебе нечего форсить»;* *Что, тальянка, не играешь? Пояском завязана. Что, милашка, не встречаешь? Дома не приказано*), либо (реже) указанием на дефект самого предмета, которым оперирует герой (*Милая кровиночка, На кисете дырочка. Шила-торопилась, От маменьки таилась; Я пляшу – они не топают, Ботиночки мои. Я люблю – они не сватают, Родители твои*). При этом важно, что дефектный предмет или предмет, с которым некорректно обращаются, в частушках такого типа всегда является атрибутом, которым оперируют дети как участники отношений, что соответствует реализации на уровне ГС именно их позиции при выражении отрицательной оценки типовой ситуации.

В качестве номинаций предметов, которые не могут быть использованы в соответствии со своим назначением, в большинстве случаев используются названия одежды (*кофточка «по моде»* которую нельзя носить; *ботиночки*, в которых нельзя плясать) и номинации музыкальных инструментов (*тальянка*, которая не играет, *гармошка*, на которой не может играть герой). Отдельно отметим относительную регулярность реализации в частушках с рассматриваемой ГС единиц *платок/платочек* и *кисет*, примыкающих к группе единиц с семантикой «одежда». В рассматриваемых частушках их использование способствует трансляции эмоций, связанных с нарушением родителями гармоничной связи: дефект обращения с предметом на уровне ПС, соответствующий негативной эмоциональной оценке ситуации на уровне ГС, часто выражается в том, что это обращение осуществляется втайне от родителей: сюжет поддерживает символику номинации предмета: *Шила милому кисет, Пока мамки дома нет. Маменька за скобочку, Я кисет в коробочку; Маменька ругается, Куда платки деваются. Того не догадается, Что дроля вытирается; Ходи, милый, по задам, Я платочек тебе дам. Шитый, мытый, катанный, От мамыши прятанный*.

1.1.2. Еще одним объектом регулярной эмоциональной интерпретации, реализуемым в таких частушках, является сюжетная ситуация **расставания детей и родителей**, связанная для девушки с замужеством, а для парня – с уходом в солдаты (23% текстов).

В частушках такого типа состав номинаций предметов отличается от перечня номинаций, используемых в частушках типа (1.1.1), и наиболее частотными оказываются единицы пищевого субкода, маркирующие связь с семьей (родителями) и домом: *Пеки, мамаша, пироги, В последний раз по берегу. Клади-ка каши, масла лей, Меня, мальчонку, пожалей; Поставь, мама, самовар, Я почайничаю. Не последний ли годок Поотчайничаю; Ставь, мамаша, самовар, Дай-ко мне почваниться. Выйду замуж в большу семью, Чашика не достанется*. Важно, что предметы в сюжетах частушек такого типа становятся объектом, которым оперируют родители, а не дети

(как носителей реализуемых эмоций). При этом в большинстве случаев негативная оценка направлена на саму ситуацию, текст строится как запрос к родителям на сохранение гармонии, оформленный как форма прямого обращения. В отдельных текстах, использующих номинации предметов в той же функции, негативная оценка перемещается на родителей, и форма прямого обращения в них не используется: *Сидит тятя за столом, Разливает чай с вином. Пропивает меня, девушку, Навеки в чужой дом!; Меня дома то ругают, Что я много хлеба ем. Сшейте белую котомочку, Уйду, не надо ем.*

1.2. Частушки об отношениях «парень – девушка» с предметными номинациями. Такие частушки по функциям кодовых единиц более разнообразны, чем частушки о родителях и детях.

1.2.1. Наиболее регулярно предметные номинации используются для выражения **любобной гармонии** (60% текстов).

В связи с тем, что большинство частушек любого типа представляют эмоции с позиции девушки, для выражения любобной гармонии наиболее частотно используются номинации мужской одежды (*рубашка, сапоги, брюки, сюртук* и др.) в сочетании с их позитивно ориентирующими признаками как внешними маркерами выражения внутренней гармонии, и музыкальных инструментов (*тальянка, гармошка* и др.), символически указывающих на мужской идеал: *Каждый день в рубашке розовой, А сегодня в голубой. Как ему не возноситься, Каждой девушке любой; Лакированы сапожки У дроли моего. На руках тальянка новая, И в талию пальто; Какой сюртук, какие брюки У милого моего. Он возьмет гармошку в руки, Все смотрела б на него.* Интересно, что в систему единиц, участвующих в маркировании мужского идеала с позиции девушки, органично включаются предметы, связанные с новой для крестьянской культуры социальной нормой, что соответствует открытости перечня предметных номинаций: *Самогонку мил не пьет, В карты не играет. К комсомольцам он идет, Книжки там читает; За то Мишу полюбила, Что он умный паренек: Книжки Ленина читает, Ходит в красный уголок; Я работаю монтером – Электричество горит. Дроля книжечку читает Да меня благодарит; Мой залетка-комсомол В сельсовете за столом, Перед ним бумаги много И чернильница с пером.*

Номинации женской одежды (платье, кофта, юбка) используются значительно реже и в основном участвуют в реализации перспективы гармоничных отношений, а не их текущего состояния: *Я надену бело платье, Новое с воланами. С комсомольцем гулять буду, А не с хулиганами; Черну юбочку носить – Надо кофту вязану, С комсомольцами гулять – Надо много разуму; Шила кофту-перекóфту, Кофту-выкофту-кофту. Нашью бантики, кружки, Чтобы сватались дружки.*

1.2.2. Следующий по частотности тип – частушки, выражающие **негативные эмоции, связанные с любобными отношениями** (29% текстов).

Именно для выражения семантики такого типа оказывается наиболее востребованной ПС номинаций предметов во всем ее разнообразии, и в

первую очередь за счет таких частушек расширяется перечень единиц вещного кода (см. табл. 1). Соответственно, если позитивные любовные эмоции в частушечной интерпретации достаточно однотипны, то негативные более дифференцированы, и для их выражения требуется апелляция к разным функциям разных предметов: *Не форси, форсун, часами, Я тобой не дорожу, Ты венчаться хочешь в церкви, А я в церковь не хожу* (часы – как проявление богатства – в рамках сюжетной ситуации, где также фиксируется отношение партнера к церкви, маркируют его несоответствие новому идеалу); *Нитка черна, нитка черна, Нитка не крученая. Что ты, милый, часто пишешь, Знаешь – неученая* (нитка, сюжетно представленная как не соответствующая ее нормальному состоянию, при использовании приема параллелизма указывает на негативную оценку непонимания со стороны партнера); *Брошу косу вдоль покосу, Я не буду страдовать. Брошу милого, забуду, Я не буду тосковать* (отказ от нормативного использования предмета также через параллелизм способствует выражению негативной оценки разлуки).

Общепольклорная символика, реализуемая при использовании описанных выше семантических групп единиц, используется реже. Номинации одежды транслируют негативную оценку отношений, символически представляя негативное внутренне состояние через его несоответствие внешнему проявлению (*Не завидуйте, подружки, Моей кофте модненькой; Не до кофты модненькой, Рассердился родненький*) или, наоборот, отражение во внешнем дефекте внутренней дисгармонии (*До чего мне неохота Кофты-залокотницы. Хороший парень не согласен Сидеть возле работницы; Голубой платок линяет На моей головушке, Мой миленочек гуляет На чужой сторонушке*).

В отличие от частушек, интерпретирующих отношения с родителями, номинации пищи реализуют символику достатка, в том числе его отсутствия, тем самым участвуют в реализации неагтивной оценки партнера по этому параметру (*Не гордись, миленочек, Не богатый домичек. Ты обедал – я была, – На столе одна вода; Моя милка из дворянок, Не ест хлеба – дай баранок*).

1.2.3. В отдельную группу выделяются частушки, интерпретирующие негативную оценку ситуации **разлуки/расставания** (оценка самих отношений не является негативной). Эта группа относительно малочисленна (10% текстов). В абсолютном большинстве из них используется единица *платок*, реализующая, как указано ранее, семантику связи между партнерами в аспекте ее нарушения: *Платочек бел, платочек бел, Платок далеко улетел. От Москвы четыреста, Не затеряй, пожалуйста; Говорят, платок – разлука, Я еще платок дала. Не платочек разлучает, Чужа-дальна сторона; Возьму белянький платочек, Не буду повязывать, Пошлю милому на фронт Раны перевязывать*.

Таким образом, использование вещного кода в частушках о социальных отношениях характеризуется высокой активностью и значительным разнообразием номинаций предметов, а трансляция эмоций, связанных с этими

отношениями, реализуется как через обращение к общефольклорной/жанровой кодовой семантике, так и к семантике конкретно-текстовой.

2. Растительный код реализуется в частушках исследуемого типа значительно реже, чем вещный, но также достаточно активно (см. табл. 1). При этом индекс разнообразия представляющих его единиц является значительно ниже, чем единиц вещного кода (см. табл. 2), т.е. их состав достаточно ограничен, более того, 70% текстов используют номинации всего четырех растительных объектов (табл. 2), что указывает на их высокую значимость. Зафиксированный уровень разнообразия создается за счет единичного (1–2 раза) использования номинаций растений в остальных 30% текстов.

Если вещный код для эмоциональной оценки социальных отношений в частушке использует либо ПС предметных номинаций, либо их ГС, то растительный код выполняет функцию оценки отношений, всегда используя ГС своих единиц: исследователи фольклора постоянно подчеркивают, что номинации растений прямо связаны в народной лирике с передачей эмоционального состояния героини (реже – героя) [25, 28, 32].

Кроме того, в абсолютном большинстве проанализированных текстов с номинациями растений реализуются не одна, а две сюжетных ситуации, одна из которых формируется вокруг положения/состояния растительного объекта (и именно в описании этой ситуации реализуется растительный код), а в другой задействуется участник интерпретируемых отношений. В результате оценка отношений, проявленных во второй сюжетной ситуации, выражается через первую. Типовая оценка, заданная традицией, транслируется в тексте с позиции одного из участников отношений, эмоциональное состояние которого идентифицируется с образом номинируемого растения: *Неужели ты завянешь, Травушка шелковая? Неужели не вспомнешь Мила, чернوبرвая?* (сюжетная ситуация, связанная с выражением сожаления об увядании травы, усиливает обоснование тоски по прежним отношениям, зафиксированным в другой сюжетной ситуации); *В поле белая береза От дождя качается. Скажи, милый, потихоньку, Ты о чем печалишься?* (ненормативное состояние березы указывает на тревогу, сопровождающую обращение к партнеру); *Скоро с елочки иголки На землю упадут. Скоро милому, хорошему Винтовочку дадут* (анормативное состояние растительного объекта обосновывает негативные эмоции, связанные с расставанием). Таким образом, растительный код, локализованный в отдельном сюжете, выполняет в ГС частушки функцию оценки (или ее усиления) содержания параллельного сюжета, в нашем материале – социальных отношений.

Как и номинации предметов, номинации растений в частушечной сюжетной ситуации всегда реализуют свое первичное значение (*береза, елочка, трава, цветок* – «виды растений»), что соответствует общей модели жанра. Но в силу того, что номинации растений в большинстве реализуются в локализованном сюжете, описание отношений не требует включения их ПС в логику такого описания, в результате отношения, представленные в частушках с номинациями растений, оказываются более разнообразными, чем в ча-

штушках с номинациями предметов, хотя выражаемые ими эмоции однотипны. Позитивные/негативные эмоции, как регулярно отмечают исследователи, выражаются через описание нормативных/ненормативных, с точки зрения природы, состояний растений, в том числе указанием на деструктивное воздействие человека на растение. Типовые эмоции, фиксируемые в символике используемых номинаций, не раз становились объектом внимания исследователей. Например, В.П. Аникин отмечает, что «традиционный образ березы, раскачиваемой непогодой, означает по обычной психологической ассоциации дождь, несчастье, грусть» [28. С. 199]; *зеленая трава* (нормативное состояние растительного объекта), по наблюдению А.В. Кулагинной, является символом любви [32. С. 87] и т.д. В целом практически любые растения в фольклоре однотипно проявляют нормативные/ненормативные состояния и однотипно подвергаются деструктивным воздействиям. Кроме того, кодовая семантика большинства номинаций растений достаточно жестко стабилизирована традицией и поэтому наиболее стабильна даже в частушке как в одном из поздних фольклорных жанров. Данные наблюдения подтверждают стабильность принципов реализации растительного кода в народной лирике, распространяющихся на частушку.

Рассмотрим, каким образом в частушках, включающих единицы растительного кода, интерпретируются отношения «родители–дети» и «парень–девушка», которые являются наиболее последовательно реализуемыми во всех проанализированных частушках о социальных отношениях. Для установления особенностей трансляции эмоций при использовании растительного кода в частушках о социальных отношениях выявим особенности взаимодействия их ПС и ГС.

2.1. Частушки об отношениях **«родители–дети»** с номинациями растений ЗНАК?

В отличие от частушек с предметными номинациями, все частушки с номинациями растений реализуют эмоции по поводу накладываемых родителями ограничений. Расставание детей и родителей также интерпретируется в них как насильственное (ситуация «девушку выдают замуж», реже – «парня берут в солдаты»).

2.1.1. Наиболее частотно (52% текстов) при использовании номинаций растений характеризуются **ограничения родителей на связанную с молодостью свободу**, выражаемые конструкциями прямого обращения-просьбы от 1-го лица: *Не руби, тятенька, Зеленую осину. Я гуляю-веселюсь Последнюю зиму; Не руби-ка, тятенька, Зеленую сосну. Я гуляю-веселюсь Последнюю весну; Маменька рóдненька, Во саду смородинка, Дай годочек погулять, Я еще молоденька.*

2.1.2. Менее частотно (34% текстов) реализуется оценка **насильственного выбора пары для замужества**: *Ты гори, гори, лучинушка, Березовый пучок, Запросватал меня тятя За старинный пятачок; Что ты, белая березонька, Не колешься с конца? Лет семнадцати девчоночку Неволят за вдовца; Говорила я папаше: «Не руби зеленый сад. Отдадите меня замуж, Не воротите назад».*

2.1.3. Как и в частушках с предметными номинациями, частушки с номинациями растений эмоционально оценивают **негативное отношение родителей к выбору пары**, но такая негативная семантика реализуется значительно реже (14% текстов): *Меня мамонька стегала От березки прутиком. Мне родима говорила: «Не гуляй с рекрутиком»; Ветер дует и бушует, Всё березку шевелит. С комсомольцем мне мамаша Гулять больше не велит; Сохни, сохни, сырой дуб, Пока листочки отпадут. Сколь ни сватайся, мой милый, За тебя не отдадут.*

Согласно общим принципам народной лирики, негативные эмоции выражаются описанием ненормативного состояния растений (их *рубят, ломают*, они *шевелются* под воздействием ветра и т.п.).

2.2. Как и частушки с предметными номинациями, частушки об отношениях **«парень – девушка»** с номинациями растений более многочисленны и разнообразны по семантике, несмотря на низкий индекс разнообразия кодовых единиц.

2.2.1. В отличие от интерпретации любовных отношений при использовании номинаций предметов, растительный код наиболее активно (61% текстов) интерпретирует **негативно оцениваемые любовные отношения**.

В соответствии с описанными выше особенностями организации частушек, привлекающих для интерпретации отношений растительный код и реализующих «открытый» характер жанровой модели, типовые варианты негативно оцениваемых отношений достаточно разнообразны: чаще всего – безответная любовь (*Белая березонька К земельке приклонилась. Бедная я девушка – В неровнюшку влюбилась; На березке листик вянет, – Видно, летечко прошло. На меня милой не взглянет, – Видно время отошло; По улице травка вянет. Идет милый и не взглянет*), реже – измена (*Как над Нивой над рекой Согнулась елочка дугой. Согнулась елочка дугой, Миленок водится с другой*), отсутствие пары (*Две березки да ветла. Все попарно, я одна. Делать нечего одной. Пойду с гуляночки домой*), а также разные другие виды любовной дисгармонии (*Меня милый провожал Все елками да елками. До чего меня довел: Грудь колет иголкам; Иссушил меня милый Суше травки полевой. Я повысушу его Суше сена своего*).

2.2.2. Отношения **любовной гармонии** реализуются в 25% текстов. Их позитивная оценка, в соответствии с принципами частушечного миромоделирования, в основном выражается через описание нормативного состояния растительных объектов (*Где мы с дроздочкой стояли – Снег растаял до земли. Где мы с милым целовались, Там цветочки расцвели; Ты сирень, сиренечка, Голубая веточка. До чего к дроле пристала Серенькая кепочка; Скоро Дон уж вскроется, Листом лес покроется. Скоро милый мой придет, Сердце успокоится*).

2.2.3. Частушки с номинациями растений, интерпретирующие негативную оценку ситуации **разлуки/расставания**, единичны, функционирование растительного кода в них не обладает особой спецификой (*Я не думала, что с елочки Иголочки спадут. Я не думала, что дроздочку В солдатки возьмут*).

Подводя итоги анализа специфики использования вещного и растительного вербальных кодов культуры в русских частушках о социальных отношениях, отметим в первую очередь, что многие представленные нами наблюдения характеризуют данный жанр в целом, а не только отдельный тип его текстов, связанный с оценкой социальных отношений. Но в связи с этим важно, что социальные отношения находятся в тематическом фокусе данного жанра, основанного на реализации позиции молодого поколения фольклорного социума.

Этому соответствуют типы интерпретируемых частушкой социальных отношений, среди которых значительный приоритет имеют отношения внутри молодой пары, а также отношения молодежи и родителей.

В силу жанровой ориентации на трансляцию эмоций частушка, в отличие от пословицы [17], не использует номинаций парных предметов и растений и их частей (например *яблоко – яблоня*), так как, во-первых, типовые эмоциональные оценки транслируются через образ одного из участников этих отношений (в пословице – с объективированной позиции, представленной как коллективная норма), а, во-вторых, – транслируемые эмоции являются обобщенными и однотипными (в пословице – логическое, эмоционально нейтральное представление конкретных норм).

Номинации предметов используются более частотно, чем номинации растений; состав единиц вещного кода также более объемный и разнообразный.

Кодовые единицы в частушке реализуют жанрово обусловленную семантику (1) за счет общефольклорной/жанровой символики или (2) за счет актуализации функций номинируемых реалий, проявленных в конкретном частушечном сюжете. Номинации предметов в тексте частушки о социальных отношениях реализуют оба способа реализации этой семантики: единицы, символически нагруженные на уровне фольклора/жанра/лингвокультуры в целом, участвуют в оценке социальных отношений за счет ее активизации; единицы, не обладающие таким качеством, активизируют для трансляции эмоций функции/признаки номинируемых предметов. Именно за счет единиц второго типа создается разнообразие используемых в частушке о социальных отношениях номинаций предметов.

В качестве символически нагруженных номинаций предметов в частушках о социальных отношениях наиболее последовательно фиксируются названия одежды, музыкальных инструментов и пищи.

Номинации растений в частушке о социальных отношениях, с одной стороны, всегда активизируют свое символическое содержание, а с другой – практически все они обладают общефольклорной символикой. Это определяется общим свойством семантики номинаций растений в народной лирике, а также типовыми для фольклора в целом принципами трансляции эмоций на основании сопоставления с состоянием мира природы. Ограниченность разнообразия используемых единиц соответствует высокому уровню стабильности символики растений, заданной традицией, и приоритетности тех единиц, символика которых соответствует задаваемым эмо-

циям. Именно отсутствие такой стабильности в символике номинаций предметов, а также отсутствие общекультурно обусловленной фокусировки их функций на трансляции эмоций определяют их большее разнообразие и более высокую частотность.

Интерпретация отношений «родители–дети» с использованием номинаций предметов предполагает как их негативную оценку, так и позитивную, характеризующую единство и поддержку детей родителями. Для реализации позитивных эмоций фиксируются в большинстве номинации пищи, указывающие на семейную гармонию. Частушки об отношениях «родители–дети» с номинациями растений реализуют только негативные эмоции. Наиболее частотно ограниченное количество номинаций предметов: *береза, цветок, трава, елка*.

Варианты интерпретации отношений «парень–девушка» с использованием номинаций предметов и номинаций растений по составу реализуемых эмоций не различаются и предполагают как их негативную оценку, связанную с различными ограничениями молодых героев, так и позитивную, характеризующую единство и поддержку. В качестве номинаций предметов, используемых для реализации позитивных эмоций, фиксируются названия одежды и музыкальных инструментов, реализующие соответствующую общепольклорную символику. Негативные эмоции проявляются при использовании символически не нагруженных номинаций предметов, а также названий одежды, символика которых допускает трансляцию негатива через сюжетное оформление их ненормативного состояния. В качестве номинаций растений в таких частушках используются те же единицы, что и в частушках об отношениях «родители–дети».

Список источников

1. Эко У. Отсутствующая структура: введение в семиологию. СПб. : Симпозиум, 2004. 544 с.
2. Ковинова М.Л. Анализ фразеологизмов и коды культуры // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2008. № 2, т. 67. С. 60–65.
3. Толстая С.М. Коды культуры и культурные концепты // Толстой Н.И., Толстая С.М. Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М. : Институт славяноведения РАН, 2013. С. 109–113.
4. Эмер Ю.А. Современный песенный фольклор: когнитивные и дискурсы. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. 266 с.
5. Грицанов А.А. Новейший философский словарь. Минск : Книжный Дом, 1999. URL: <https://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/newest-dictionary/articles/345/socialnyj-status.htm> (дата обращения: 13.05.2025).
6. Линтон Ральф // Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия». URL: <https://bigenc.ru/c/linton-ral-f-d2cb20?ysclid=mgux4yhz61587681308> (дата обращения: 18.05.2025).
7. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура СПб. : Наука, 1994. 238 с.
8. Абакумова О.Б. Растительный код культуры в пословицах о правде и лжи // Интегративные и кросс-культурные подходы к изучению мышления и языка : сб. тр. конф. (Москва, 05–06 апреля 2022 г.). М. : РГГУ, 2022. С. 57–61.
9. Цивьян Т.В. Модель мира и её лингвистические основы. М. : Ленанд, 2016. 328 с.

10. Ваганова Е.Н., Рогачев В.И. Мифопоэтика растительного кода в традиционной культуре мордовского народа // Ежегодник финно-угорских исследований. 2022. Т. 16, № 1. С. 57–71.
11. Рогачев В.И., Ваганова Е.Н., Мингазова Л.И. Функционирование растительного кода в традиционной культуре народов Поволжья (на примере фольклора мордвы-эрзи и мокши) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13, № 3. С. 439–445.
12. Красных В.В. Потяни за ниточку – клубок и разматывается... (к вопросу о предметном коде культуры) // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М. : МАКС Пресс, 2013. Вып. 46. С. 58–67.
13. Абукаева Л.А. Пищевой код культуры в текстах марийских молитв // Ежегодник финно-угорских исследований. 2024. Т. 18, № 1. С. 6–13.
14. Капелюшник Е.В. Кулинарный код культуры в семантике образных средств языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2012. 24 с.
15. Тубалова И.В., Ван Х. Соматический код в восточнославянских пословицах и частушках // Русин. 2018. № 2 (52). С. 141–160.
16. Агапкина Т.А. Деревья в славянской народной традиции: Очерки. М. : Индрик, 2019. 656 с.
17. Тубалова И.В., Салми А.И. Вербальные коды культуры в пословицах о социальных отношениях // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 92. С. 112–132.
18. Бохонная М.Е. Эстетическая интерпретация «вещного» мира в языке среднеобского фольклора: на материале лирической песни и частушки : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. 248 с.
19. Симакова М.С. Платок в русской частушке: традиции и новации // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/Simakova.htm> (дата обращения: 14.09.2025).
20. Тубалова И.В. Единицы с семантикой «одежда» в языке фольклора // Актуальные проблемы русистики : сб. ст. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. С. 104–110.
21. Гудков Д.Б. Единицы кодов культуры: проблема семантики // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей. Вып. 26. М. : Макс Пресс, 2004. С. 39–50.
22. Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. М. : Наука, 1993. 187 с.
23. Тубалова И.В., Эмер Ю.А., Ван Х. «Швидкі ніженькі скували, білі рученькі зв'язали»: взаимодействие поверхностной и глубинной семантики текста лирической песни (формулы с соматизмами) // Quaestio Rossica. 2019. Т. 7, № 3. С. 992–1006.
24. Неклюдов С.Ю. Семантика фольклорного текста и «знание традиции» // Славянская традиционная культура и современный мир : сб. материалов науч.-практ. конф. М., 2005. Вып. 8. С. 22–41.
25. Лазутин С.Г. Поэтика русского фольклора : учеб. пособие для филол. фак-в ун-в. М. : Высш. шк., 1981. 221 с.
26. Николаев О.Р. Почему мы не поем «русские народные» песни до конца (о некоторых механизмах трансляции русской песенной традиции) // Русский текст. Российско-американский журнал по русской филологии. 1997. № 5. С. 125–140.
27. Зуева Т.В., Кирдан Б.П. Русский фольклор : учеб. для высш. учеб. заведений. М. : Флинта: Наука, 2002. 400 с.
28. Аникин В.П. Теория фольклора : курс лекций. М. : Университет, 2007. 428 с.
29. Русские частушки : сборник / [сост.: Ф.М. Селиванов, Б.П. Кирдан, В.П. Аникин] ; под ред. А.Е. Жирковой. М. : Эксмо, 2007. 480 с.
30. Пойте все! : сборник частушек / сост. Г.М. Иванов ; [под ред. И.И. Середенко]. Томск : Красное знамя, 2004. 359 с.
31. Русские частушки : сборник / под ред. А.Е. Жирковой. М. : Эксмо, 2007. 480 с.
32. Кулагина А.В. Поэтический мир частушки. М. : Наука, 2000. 303 с.

33. Устинова Н.А. Пищевой код традиционной культуры Среднего Приобья: этнолингвистический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2011. 21 с.
34. Хлеб в народной культуре: Этнографические очерки / отв. ред. С.А. Арутюнов, Т.А. Воронина. М. : Наука, 2004. 413 с.
35. Бохонная М.Е. Символическое содержание единиц, называющих музыкальные инструменты, в языке среднеобской частушки // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/bohonnaya2.htm> (дата обращения: 14.09.2025).
36. Зырянов И.В. Поэтика русской частушки. Пермь, 1974. 174 с.

References

1. Eco, U. (2004) *Otsutstvuyushchaya struktura: vvedenie v semiologiyu* [The Missing Structure: An Introduction to Semiology]. Translated from Italian. Saint Petersburg: Simpozium.
2. Kovshova, M.L. (2008) Analiz frazeologizmov i kody kul'tury [Analysis of phraseological units and cultural codes]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. 2 (67). pp. 60–65.
3. Tolstaya, S.M. (2013) Kody kul'tury i kul'turnye kontsepty [Cultural codes and cultural concepts]. In: Tolstoy, N.I. & Tolstaya, S.M. *Slavyanskaya etnolingvistika: voprosy teorii* [Slavic Ethnolinguistics: Theoretical Issues]. Moscow: Institute for Slavic Studies RAS. pp. 109–113.
4. Emer, Yu.A. (2011) *Sovremennyy pesennyy fol'klor: kognitsii i diskursy* [Modern Song Folklore: Cognitions and Discourses]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Gritsanov, A.A. (1999) *Noveyshiyy filosofskiy slovar'* [The Newest Philosophical Dictionary]. Minsk: Knizhnyy Dom. [Online] Available from: <https://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/newest-dictionary/articles/345/socialnyj-status.htm> (Accessed: 13.05.2025).
6. Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya [Great Russian Encyclopedia]. (n.d.) Linton Ral'f [Linton Ralph]. *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia]. [Online] Available from: <https://bigenc.ru/c/linton-ral-f-d2cb20?ysclid=mgux4yh261587681308> (Accessed: 18.05.2025).
7. Putilov, B.N. (1994) *Fol'klor i narodnaya kul'tura* [Folklore and Popular Culture]. Saint Petersburg: Nauka.
8. Abakumova, O.B. (2022) [The plant code of culture in proverbs about truth and lies]. *Integrativnye i kross-kul'turnye podkhody k izucheniyu myshleniya i yazyka* [Integrative and Cross-Cultural Approaches to the Study of Thinking and Language]. Proceedings of the Conference. Moscow. 05–06 April 2022. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 57–61. (In Russian).
9. Tsviv'yan, T.V. (2016) *Model' mira i ee lingvisticheskie osnovy* [Model of the World and Its Linguistic Foundations]. Moscow: Lenand.
10. Vaganova, E.N. & Rogachev, V.I. (2022) Mifopoetika rastitel'nogo koda v traditsionnoy kul'ture mordovskogo naroda [Mythopoetics of the plant code in the traditional culture of the Mordvin people]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*. 1 (16). pp. 57–71.
11. Rogachev, V.I., Vaganova, E.N. & Mingazova, L.I. (2019) Funktsionirovanie rastitel'nogo koda v traditsionnoy kul'ture narodov Povolzh'ya (na primere fol'klora mordvyerzi i mokshi) [The functioning of the plant code in the traditional culture of the peoples of the Volga region (based on the folklore of the Mordvins-Erzya and Moksha)]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*. 3 (13). pp. 439–445.
12. Krasnykh, V.V. (2013) Potyani za nitochku – klubok i razmotaetsya... (k voprosu o predmetnom kode kul'tury) [Pull the thread – the ball will unravel... (towards the issue of the subject code of culture)]. In: Krasnykh, V.V. & Izotov, A.I. (eds) *Yazyk, soznanie,*

kommunikatsiya [Language, Consciousness, Communication]. Vol. 46. Moscow: MAKS Press. pp. 58–67.

13. Abukaeva, L.A. (2024) Pishchevoy kod kul'tury v tekstakh mariyskikh molitv [The food code of culture in the texts of Mari prayers]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*. 1 (18). pp. 6–13.

14. Kapelyushnik, E.V. (2012) *Kulinarnyy kod kul'tury v semantike obraznykh sredstv yazyka* [Culinary code of culture in the semantics of figurative means of language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.

15. Tubalova, I.V. & Wang, Ghya. (2018) Somatic code in east slavic proverbs and ditties. *Rusin*. 2 (52). pp. 141–160. (In Russian). doi: 10.17223/18572685/52/11

16. Agapkina, T.A. (2019) *Derev'ya v slavyanskoj narodnoy traditsii: Ocherki* [Trees in the Slavic Folk Tradition: Sketches]. Moscow: Indrik.

17. Tubalova, I.V. & Salmi, A.I. (2024) Verbal codes of culture in proverbs about social relations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 92. pp. 112–132. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/92/6

18. Bokhonnaya, M.E. (2006) *Esteticheskaya interpretatsiya "veshchnogo" mira v yazyke sredneobskogo fol'klora: na materiale liricheskoy pesni i chastushki* [Aesthetic interpretation of the "material" world in the language of Middle Ob folklore: based on the lyrical song and chastushkas]. Philology Cand. Diss. Tomsk.

19. Simakova, M.S. (n.d.) Platok v russkoy chastushke: traditsii i novatsii [Scarf in Russian chastushka: traditions and innovations]. *Fol'klor i postfol'klor: struktura, tipologiya, semiotika* [Folklore and Post-Folklore: Structure, typology, semiotics]. [Online] Available from: <https://ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/Simakova.htm> (Accessed: 14.09.2025).

20. Tubalova, I.V. (2000) Edinitsy s semantikoy "odezhda" v yazyke fol'klora [Units with the semantics of "clothing" in the language of folklore]. In: *Aktual'nye problemy rusistiki* [Current Issues of Russian Studies]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 104–110.

21. Gudkov, D.B. (2004) Edinitsy kodov kul'tury: problema semantiki [Units of cultural codes: the problem of semantics]. In: *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, Consciousness, Communication]. Vol. 26. Moscow: Maks Press. pp. 39–50.

22. Nikitina, S.E. (1993) *Ustnaya narodnaya kul'tura i yazykovoe soznanie* [Oral Folk Culture and Linguistic Consciousness]. Moscow: Nauka.

23. Tubalova, I.V., Emer, Yu.A. & Van, Kh. (2019) "Shvidki nizhen'ki skuvali, bili ruchen'ki zv'yazali": vzaimodeystvie poverkhnostnoy i glubinnoy semantiki teksta liricheskoy pesni (formuly s somatizmami) ["Shvidki nizhen'ki skuvali, bili ruchen'ki zv'yazali": The interaction of surface and deep semantics of a lyrical song text (formulas with somatisms)]. *Quaestio Rossica*. 3 (7). pp. 992–1006.

24. Neklyudov, S.Yu. (2005) Semantika fol'klornogo teksta i "znanie traditsii" [Semantics of the folklore text and "knowledge of tradition"]. In: *Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyy mir* [Slavic Traditional Culture and the Modern World]. Vol. 8. Moscow: [s.n.]. pp. 22–41.

25. Lazutin, S.G. (1981) *Poetika russkogo fol'klora* [Poetics of Russian Folklore]. Moscow: Vysshaya shkola.

26. Nikolaev, O.R. (1997) Pochemu my ne poem "russkie narodnye" pesni do kontsa (o nekotorykh mekhanizмах translyatsii russkoy pesennoy traditsii) [Why we don't sing "Russian folk" songs to the end (on some mechanisms of transmitting the Russian song tradition)]. *Russkiy tekst. Rossiysko-amerikanskiy zhurnal po russkoy filologii*. 5. pp. 125–140.

27. Zueva, T.V. & Kirdan, B.P. (2002) *Russkiy folklor* [Russian Folklore]. Moscow: Flinta: Nauka.

28. Anikin, V.P. (2007) *Teoriya fol'klora* [Theory of Folklore]. Moscow: Universitet.

29. Zhirkova, A.E. (ed.) (2007) *Russkie chastushki* [Russian Chastushki]. Moscow: Eksmo.

30. Seredenko, I.I. (ed.) (2004) *Poyte vse!* [Everybody Sing!]. Tomsk: Krasnoe znamy.

31. Zhirkova, A.E. (ed.) (2007) *Russkie chastushki* [Russian Chastushki]. Moscow: Eksmo.

32. Kulagina, A.V. (2000) *Poeticheskiy mir chastushki* [The Poetic World of the Chastushka]. Moscow: Nauka.

33. Ustinova, N.A. (2011) *Pishchevoy kod traditsionnoy kul'tury Srednego Priob'ya: etnolingvisticheskiy aspekt* [Food code of the traditional culture of the Middle Ob region: an ethnolinguistic aspect]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.

34. Arutyunov, S.A. & Voronina, T.A. (eds) (2004) *Khleb v narodnoy kul'ture: Etnograficheskie ocherki* [Bread in Folk Culture: Ethnographic Sketches]. Moscow: Nauka.

35. Bokhonnaya, M.E. (n.d.) Simvolicheskoe sodержanie edinit, nazyvayushchikh muzykal'nye instrumenty, v yazyke sredneobskoy chastushki [Symbolic content of units naming musical instruments in the language of the Middle Ob chastushka]. *Fol'klor i postfol'klor: struktura, tipologiya, semiotika* [Folklore and Postfolklore: Structure, Typology, Semiotics]. [Online] Available from: <https://ruthenia.ru/folklore/bohonnaya2.htm> (Accessed: 14.09.2025).

36. Zyryanov, I.V. (1974) *Poetika russkoy chastushki* [Poetics of the Russian Chastushka]. Perm: Perm State Pedagogical Institute.

Информация об авторах:

Тубалова И.В. – д-р филол. наук, декан филологического факультета, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: tina09@inbox.ru

Салми А.И. – аспирант кафедры русского языка, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия); ассистент преподавателя, Университет Айн-Шамс (Каир, Египет). E-mail: ahmed.i.salem.90@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.V. Tubalova, Dr. Sci. (Philology), dean of the Faculty of Philology, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tina09@inbox.ru

A.I. Salmi, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); teaching assistant, Ain Shams University (Cairo, Egypt). E-mail: ahmed.i.salem.90@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*The article was submitted 20.03.2025;
approved after reviewing 13.08.2025; accepted for publication 31.10.2025.*

*Статья поступила в редакцию 20.03.2025;
одобрена после рецензирования 13.08.2025; принята к публикации 31.10.2025.*